

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ФОРМИРОВАНИИ КОНЕЧНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

ГУДКОВА ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Институт экономических исследований
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Россия, 690000, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: gudkova@ecrin.ru

Развитие конечного потребления в стране во многом определяет возможности российской промышленности. По оценке Министерства экономического развития Российской Федерации, источником восстановления экономики в 2017 году было конечное потребление домашних хозяйств и валовое накопление капитала. Многочисленные теоретические и экспертно-аналитические исследования государственно-частного партнерства обосновывают переход к неформальной глобализации («глобализации снизу»), которая связана с активностью граждан. Гипотеза статьи: переход к неформальной глобализации обосновывает значение государственно-частного партнерства в формировании конечного потребления. Цель статьи – определить, обосновывают ли целевые параметры вертикальной промышленной политики, горизонтальной промышленной политики значение государственно-частного партнерства в формировании конечного потребления Дальнего Востока России. В статье показано, что переход к неформальной глобализации обоснованно выделяет ограничения: во-первых, аналогово-цифровой разрыв цифровой экономики (аналоговой и дискретной), во-вторых, сложность описания системы аналогового типа в целях преодоления цифрового разрыва экономического сотрудничества неформальной глобализации. Асимметричную конкуренцию – замещение конкурентной стратегии на стратегию сотрудничества – формирует государственно-частное партнерство в создании единого регламента ситуационного центра стратегического планирования, управления и реализации государственных программ и проек-

Цитата: Гудкова Е.В. Государственно-частное партнерство в формировании конечного потребления Дальнего Востока России // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.5

Citation: Gudkova E.V. Public-private partnership in shaping final consumption of the Russian Far East. *Territorial Development Issues*, 2018, no. 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.5

тов с новой метацелью – общественное развитие в целом и экономическое в частности. Ограничения определяются дискретностью при решении задач трансформации аналоговых процессов в цифровые. Решение проблемы, как представлено в статье, обосновывает с последующими конкретными направлениями исследование теории формального программного моделирования, экономической методологии системного моделирования. Направления государственно-частного партнерства в условиях неформальной глобализации промышленной политики формата конечного потребления Дальнего Востока России обоснованы в методологии системного формального моделирования, что обеспечивает научную новизну и практическое значение статьи. Результат формализует дальнейшее исследование в методологии системного формального моделирования «человек в цифровой экономике» в соответствии с метацелью общественного, экономического развития. Статья адресована научным работникам, аспирантам, студентам, специалистам в области государственно-частного формата региональной социально-экономической политики.

Государственно-частное партнерство, цифровая экономика, конечное потребление, государственная промышленная политика, региональная социально-экономическая политика, Дальний Восток России.

Постановка проблемы

Конечное потребление домашних хозяйств и валовое накопление (инвестирование основного, оборотного капитала) обозначают элементы конечного использования валового внутреннего продукта (ВВП) Российской Федерации. По оценке Министерства экономического развития Российской Федерации [1], источником восстановления экономики в 2017 году был внутренний спрос. Валовое накопление основного капитала увеличилось на 3,6%, расходы домашних хозяйств на конечное потребление – на 3,4%. Среднегодовой темп роста расходов на конечное потребление (постоянные цены) в России с 2006 по 2016 год составил 1,65%. Тем не менее существует значительный разрыв конечного потребления домашних хозяйств Российской Федерации в межстрановом сравнении. В 2016 году в России данный показатель был равен 12,3 тыс. долл. США по паритету покупательной способности (ППС). По среднедушевому потреблению домашних хозяйств в 2016 году (по ППС) Россия оказалась ниже США в 3,2 раза, Норвегии – в 2,1 раза, Австралии, Великобритании и Германии – в 2 раза, Канады – в 1,9 раза, Японии – в 1,8 раза [2].

Теоретические и экспертно-аналитические исследования государственно-частно-

го партнерства [3–13] обосновывают второй этап глобализации, который будут определять технологии XXI века, неформальная потребительская глобализация и партнерский формат мировой экономики [3]. «Движущая сила» интернета и цифровой экономики второго этапа замещает финансовую глобализацию – «движущую силу» глобализационных процессов прежнего этапа. Переход к неформальной глобализации («глобализации снизу»), которая связана с активностью граждан, видоизменяет экономику. Специфике участия России, Дальнего Востока России в процессах глобализации обосновывает запуск рыночного механизма в экономике командного типа. Во-первых, запуск рыночного механизма в экономике командного типа запускает процесс значительной реаллокации ресурсов (А.Д. Некипелов, 2001) [4]. Во-вторых, спрос (как частный, так и государственный), а не плановое задание становится решающим фактором формирования производственной структуры. В-третьих, ситуация осложняется тем, что параллельно действуют силы, направленные на реструктуризацию самих предприятий в соответствии с критерием максимизации прибыли. В современной экономике рыночный процесс максимизации прибыли заменяется

процессом максимизации общественной полезности. Государство постепенно заменяет рынок (М.И. Воейков, 2018) [12], рыночный процесс максимизации прибыли заменяется процессом максимизации общественной полезности, целевой ориентир обеспечивает не прибыль, а общественная полезность. Экономика и экономическая деятельность приобретают новые свойства и качество. Тем не менее социальная поддержка, социальное государство уступает новой общественной модели: трансформации социально-рыночной модели общества благосостояния в общество ответственности индивидуума новыми целевыми установками цифрового общества (А.А. Дынкин, 2018) [13]. Переход к новой общественной модели обосновывает социальный порядок, согласно концептуальному подходу к интерпретации социально-экономической истории человечества неинституциональной теории D. North, J. Wallis, B. Weingast (2009) [11].

Таким образом, теоретические и экспертно-аналитические исследования государственно-частного партнерства в формировании конечного потребления обосновывают рост роли государства; запуск рыночного механизма в экономике командного типа; замену рыночного процесса максимизации прибыли процессом максимизации общественной полезности; трансформацию социально-рыночной модели общества благосостояния в общество ответственности индивидуума цифрового общества.

Значимость для Дальнего Востока государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) в формировании конечного потребления обосновывают федеральные программные документы – территории опережающего социально-экономического развития (ТОР), Свободный порт Владивосток, государственная поддержка инвестиционных проектов, Фонд развития Дальнего Востока. Системный анализ теоретических и экспертно-аналитических исследований выделяет следующие параметры ГЧП в формиро-

вании конечного потребления. Формирует конечное потребление государство, которое обосновывает приоритеты в области экономики и технологии – вертикальная промышленная политика, ориентированная на конкретные (приоритетные) сектора и отраслевые комплексы, и горизонтальная промышленная политика – создание новых институциональных форм решения проблемы [14]. ГЧП изменяет целевую функцию получения прибыли и государственного и частного капитала. Проект, программа – сигнал частному капиталу войти в долю с государством [15]. Сигнал формулирует логика пространственного распределения экономических ресурсов региональной социально-экономической политики Российской Федерации (А.Г. Гранберг, 2004, 2009; П.А. Минакир, Е.В. Гудкова, 2007; П.А. Минакир, 2014; В.М. Полтерович, 2008, 2014). Сигнал – нормируемый отказ от прибыли частного капитала, аналогового типа, учитывает перекрестный сигнал получения прибыли государственного капитала. Сигнал аналогового типа обеспечивает дискретный сигнал (квантованный, цифровой). В центре внимания статьи два круга проблем. Во-первых, государственно-частное партнерство изменяет целевую функцию получения прибыли и государственного и частного капитала как частного интереса получения прибыли дискретного типа и государственного интереса удовлетворения общественной потребности аналогового типа. Участие ГЧП в формировании конечного потребления горизонтальной и вертикальной промышленной политики обосновывает теоретико-множественный подход теории топосов (множество с дополнительной структурой определенного типа). Модели и теории обосновывают пространственные взаимодействия ГЧП в системе линейной связанности, в соответствии с теорией сложности У.Б. Артур [15; 16]. Доминирование линейной парадигмы формирует проблему аналого-цифрового разрыва [17]. Во-вторых, сложность описания государ-

ственно-частного партнерства в формировании конечного потребления предполагает сложность описания системы аналогового типа в целях преодоления цифрового разрыва [18]. Ограничения определяются дискретностью, которая задается при решении задач трансформации аналоговых процессов в цифровые. Обосновывают ли целевые параметры вертикальной промышленной политики, горизонтальной промышленной политики значение ГЧП в формировании конечного потребления Дальнего Востока России? Решение проблемы, как представлено в данной статье, обосновывает с последующими конкретными направлениями исследование теории формального программного моделирования [19] экономической методологии системного моделирования [20].

Методология и методы исследования

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017), возросшие требования к принятию государственных решений обеспечивают актуальность обоснования формата государственно-частного партнерства в формировании конечного потребления Дальнего Востока России. В статье на основании теоретических и экспертно-аналитических исследований в соответствии с теорией формального программного моделирования экономической методологии системного моделирования формируется подход обоснования государственно-частного партнерства в формировании конечного потребления следующих основных направлений. Во-первых, новая метацель – общественного развития в целом и экономического в частности [21] (П. Минакир, 2017) единого регламента ситуационного центра стратегического планирования, управления и реализации государственных программ и проектов. Во-вторых, переход «естественного государства» (single actor approach) к государству коалиции элитных групп обосновывает социальный порядок государственно-частного партнерства

D. North, J. Wallis, B. Weingast (2009) [11]. «Естественное государство» («the natural state») выступает «устойчивой формой более крупных социальных организаций, возникшей пять – десять тысяч лет тому назад», является синонимом социального порядка ограниченного доступа (limited access orders). Социальный порядок (social orders) – это модель организации, структурирующая взаимодействие в обществе. Социальный порядок ограниченного доступа формализует «синтетический строй государства связанностью рациональных и нерациональных элементов государственного устройства и социальных порядков (Россия)». Социальный порядок свободного доступа формализует «аналитический строй государства изолированностью, атомарностью и рациональностью элементов государственного устройства и социальных порядков (Англо-саксонские страны)» [22]. Российская Федерация формирует переход «естественного государства» (single actor approach) к государству коалиции элитных групп усилением ГЧП в создании ТОР, Свободного порта Владивосток, в поддержке инвестиционных проектов, Фонда развития Дальнего Востока. Ограничение конечного потребления вертикальной и горизонтальной промышленной политики обосновывает доминирование линейной парадигмы взаимодействия субъекта, общества на территории роста и развития корпорации. Повышение степени дискретизации процессов, в частности, аналогово-цифрового разрыва, обосновывает теория формального программного моделирования экономической методологии системного моделирования. Взаимодействие нелинейной связности территориальной самоорганизации общества формализует платформенный подход [23] в части крупного технологического макроэкономического сдвига теории сложности, эволюции систем, хаоса. Платформенный подход обосновывает асимметричная конкуренция. Асимметричную конкуренцию – замещение конкурентной

стратегии на стратегию сотрудничества – формирует ГЧП в концентрации рыночного пространственного взаимодействия с очень разными подходами и ресурсами. Выделяется позитивное (не направленное против третьих лиц) и негативное сотрудничество (В.М. Полтерович, 2015) «гипотезы о том, что в процессе общественного развития соотношение транзакционных издержек трех основных типов координации – конкуренции, власти и сотрудничества – меняется в пользу последнего» [24]. Пространственные взаимодействия ГЧП в формировании конечного потребления формируются на основании того, «что в процессе эволюции сфера действия механизмов насилия, встроенных в институты конкуренции и власти, сокращается за счет расширения сферы и значимости институтов сотрудничества». Такой взгляд на эволюцию общества и на задачу его совершенствования составляет основу предложенной философии сотрудничества (коллаборативизма) [25].

Таким образом, формирование конечного спроса горизонтальной и вертикальной промышленной политики обеспечивает исследование теории формального программного моделирования экономической методологии системного моделирования, в частности, платформенный подход, в части крупного технологического макроэкономического сдвига теории сложности. Асимметричную конкуренцию – замещение конкурентной стратегии на стратегию сотрудничества – формирует ГЧП в создании единого регламента ситуационного центра стратегического планирования, управления и реализации государственных программ и проектов с новой метацелью – общественное развитие в целом и экономическое в частности. Переход «естественного государства» (single actor approach) к государству коалиции элитных групп усилением ГЧП в создании ТОР, Свободного порта Владивосток, в поддержке инвестиционных проектов, Фонда развития Дальнего Востока

определяет формирование конечного потребления синхронизационного формата горизонтальной и вертикальной промышленной политики.

Результаты исследования

Обоснование формата государственно-частного партнерства в формировании конечного потребления Дальнего Востока России горизонтальной и вертикальной промышленной политики формализует государство, которое обосновывает приоритеты в области экономики и технологии промышленной политики. Конечное потребление формирует промышленное производство России. Промышленное производство к 2018 году не обеспечивает достаточных темпов роста конечного потребления российской экономики. Если в 2000-е годы темпы роста промышленного производства в целом достигали 7–8%, а обрабатывающих производств – более 10%, то с 2012 года они не превышали 5%. Развитие промышленности сдерживается ресурсными и финансовыми ограничениями, дополнительно обострившимися в результате введения экономических санкций [26]. Принятие Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» и связанных с ним нормативных актов обеспечило единые принципы развития национальной промышленности. Для этого созданы условия по формированию в субъектах Федерации разветвленной промышленной инфраструктуры. Более чем в 4 раза к 2018 году в сравнении с 2012 годом увеличено количество региональных индустриальных парков. Сегодня в стране функционирует 110 таких площадок, на территории которых свои мощности разместили свыше 2,5 тыс. российских и иностранных производителей. «Еще более 3 тыс. компаний выпускают высокотехнологичную продукцию в периметре созданных 45 промышленных технопарков» [27]. Асимметричную конкуренцию формирует ГЧП в создании единого регла-

мента ситуационного центра стратегического планирования, управления и реализации государственных программ и проектов с новой метацелью – общественное развитие в целом и экономическое в частности. Государственно-частный формат формализуют механизмы управления организационными системами в системном процессе междисциплинарного подхода когнитивного центра систем прогнозирования, планирования и проектирования крупных и сложных социальных объектов, регионов формата институционального взаимодействия. Проведенные в рамках Программы фундаментальных исследований Программы Президиума РАН «Прогноз потенциала инновационной индустриализации России» (2009–2014 гг.) прогнозные исследования в области инновационной модернизации экономики Дальнего Востока России позволили установить области технологического взаимодействия региона. Концепция новой индустриализации России на основе анализа общемировых тенденций обосновывает технологическое взаимодействие региона «вертикальной» и «горизонтальной» промышленной политики в соответствии с кластерным подходом. В связи с этим Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года; Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 годов; Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года «Инновационная Россия – 2020» выделяют кластеры как форму управления инновационным развитием в России. Соответственно в разделе VII «Территории инноваций» стратегии количество инновационных кластеров, получивших федеральную поддержку после 2010 года и сумевших удвоить высокотехнологичный экспорт с момента такой поддержки, накопительным итогом составят 4 единицы к 2016 году и 7 единиц к 2020 году соответственно [28],

предприятий авиа- и судостроения оборонно-промышленного комплекса (ОПК) Дальнего Востока России. Возможности и угрозы институционального взаимодействия обозначены на основании опроса бизнес-деятельности иностранных инвесторов [29]. Отмечается ухудшение бизнес-климата в 2015 году к уровню 2007 года в Российской Федерации, особенно на Дальнем Востоке России, с множеством крупномасштабных проектов, нуждающихся в масштабном финансовом вливании. Факторы-препятствия включают:

- широко распространенную систему коррупции и взяточничества;
- неточно, трудно интерпретируемые, часто изменяемые законодательные акты;
- непрозрачную и сложную процедуру экспортно-импортных операций;
- сложную процедуру по НДС и по возмещению импортной пошлины, отличие от международного стандарта финансовой отчетности, сложную процедуру внесения страховки, частые изменения системы бухгалтерского отчета;
- частые изменения, неясность процедур, длительность времени выдачи виз, лицензий на работу представителей компаний;
- растущие процентные ставки, нестабильность курса обмена, сложность системы расчета в иностранных банках (в связи с санкциями);
- политику российского правительства в предоставлении льгот, прежде всего, отечественным предпринимателям (импортозамещение).

Основными секторами обрабатывающей промышленности Дальнего Востока России выделены сегменты авиастроения и судостроения-судоремонта ОПК. Динамика международных, экономических отношений, прогресс ИТ-технологий, программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017), возросшие требования к принятию государственных решений, обоснованности, эффективности и межведомственной согласованности на всех уровнях управления обе-

спечивают ГЧП в формировании конечного потребления горизонтальной и вертикальной промышленной политики [30]. Переход к неформальной глобализации обоснованно выделяет ограничения: во-первых, аналогово-цифровой разрыв цифровой экономики (аналоговой и дискретной), во-вторых, сложность описания системы аналогового типа в целях преодоления цифрового разрыва экономического сотрудничества неформальной глобализации. Ограничения определяются дискретностью при решении задач трансформации аналоговых процессов в цифровые в соответствии с теорией формального программного моделирования экономической методологии системного моделирования. Формализует ограничения встраивание в процессы неформальной глобализации Дальнего Востока России обоснованного направления формирования конечного спроса горизонтальной и вертикальной промышленной политики.

Во-первых, ограничение обосновывает положение Дальнего Востока России в Восточной Азии. Начиная с 2014 года экономику Российской Федерации определяет стратегический приоритет участия в технологическом обмене со странами Восточной Азии. Государственно-частный формат взаимодействия обеспечивает более высокая эффективность проводимой политики. Политика направлена, прежде всего, на обеспечение транспортно-логистической связи посредством внедрения Дальнего Востока России в трансграничные сегменты глобальных стоимостных цепочек (Global Value Chains (GVCs)) Азиатского региона, а не западной части России. Для этого формируется экспортная ориентация Дальнего Востока России, а также расширение экономических отношений. Для реализации плана развития Дальнего Востока России приняты меры по укреплению системы его имплементации [31]. Приняты необходимые меры поддержки, включая налоговые уступки и создание территорий опережаю-

щего социально-экономического развития, осуществление которых гарантировано федеральными законодательными актами.

Во-вторых, ограничение обосновывает расширенное понимание горизонтов экономического сотрудничества в Евразии¹ от Европы до АТР на основе так называемой евро-тихоокеанской парадигмы. Формируется целевой параметр участия России в экономической кооперации ЕС со стороны Запада и странам Северо-Восточной Азии и АСЕАН со стороны Востока. Формируемый формат целевого параметра – экономическая интеграция в рамках постсоветского пространства на основании концепции построения единого рынка от Атлантики до Тихого океана – формализует привлечение научно-технологического и экономического потенциала этих стран в качестве факторов развития Дальнего Востока России.

В-третьих, ограничение обосновывает собственно экономическое развитие региона Дальний Восток России. Развитие осуществляется в рамках стратегий экономических агентов, функционирующих и встраивающихся в территориальный социально-экономический комплекс и осуществляющих горизонтальные взаимодействия формата сетевой структуры региональной экономической жизни. Увеличение объема финансовых ресурсов, связанное с развитием корпоративных экспортных проектов Государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», безусловно, станет сильным положительным внешним шоком для макроэкономической динамики в регио-

¹ Евразийский континент в широком плане характеризуется как регион, объединяющий Европу и Азию, включающий в себя Европейский союз, Китай, Россию, Индию. Евразия занимает 40% площади Земли, где проживает 70% населения мира и производится 60% ВВП мира. Однако в общепринятом понятии Евразия ограничивается территорией стран постсоветского пространства, включая Россию, Китай, Монголию (Lee J.-Y. Eurasia Initiative and Cooperation in the Far East. 11 KIEP-ERI Joint International Seminar «Changes in the Global and Domestic Economic Conditions and Future of Development of the Far East», 2016, June 23, pp. 53–105).

не. Однако проблему развития региона он все равно не решит, так как инвестиционный шок окажет сравнительно кратковременное воздействие на динамику, что подтверждается и опытом реализации предшествовавших программ регионального развития. ГЧП в формировании конечного потребления обосновывает собственно экономическое развитие региона Дальний Восток России обеспечением инфраструктуры доступа к коммунальным благам и общественным фондам; транспортной инфраструктуры, способствующей мобильности граждан; условий и механизмов генерации доходов в рамках регионального бизнес-сообщества; комфортной бизнес-среды; режима открытой экономики в регионах концентрированной экономической деятельности [32].

В-четвертых, ограничение обосновывает формат адекватной эффективности взаимодействия элиты, стоящей за государственной властью, и элиты, достигшей успеха в хозяйственной сфере соперничества национальной пространственной стратегии. Адекватную меру эффективности формализуют прибыль в случае частной корпорации и популярность, измеряемая результатами выборов или опросами общественного мнения, в случае государства. Экономическое соперничество формализует формат взимаемых государством различных «искажающих» (distortionary) налогов, снижающих эффективность экономики [33; 34]. Таким образом, Российская Федерация формирует переход «естественного государства» (single actor approach) к государству коалиции элитных групп усилением ГЧП в создании ТОР, Свободного порта Владивосток, в поддержке инвестиционных проектов, Фонда развития Дальнего Востока. Стратегию бизнеса формируют кооперация локальной элиты, лоббирование интересов фирмы государством базирования, снижение потери взаимодействия линейной связанности, построение глобальных цепочек создания стоимости.

ГЧП в формировании конечного потребления «цифровой» экономики (научно правильно трактуется: аналоговая и дискретная) [17] обосновывает также трансформация модели «Азия для мира» в модель «Азия для Азии» [35]: из «глобальной фабрики» для всего мира экономика азиатских стран превращается в «самодостаточную систему». Экономический рост формирует увеличение внутреннего потребления на фоне постепенного снижения использования дешевой рабочей силы и эксплуатации природных ресурсов для нужд экспортно ориентированных производств. Вызов для технологического взаимодействия определяет изменение модели экономического развития в странах АТР, обосновывает замедление темпов роста и постепенное расширение внутреннего спроса в развивающихся экономиках на фоне роста доходов населения; более низких темпов роста спроса на ресурсы (энергоресурсы, металлы) и инвестиционные товары (оборудование, строительные услуги).

Таким образом, ГЧП в формировании конечного потребления обосновывает рост конкурентоспособности сегмента потребительских товаров стран АТР. Российские, в том числе дальневосточные, производители не вполне готовы работать в этом сегменте. Рынок потребительских товаров в отличие от рынка сырья формирует предпочтения потребителя, маркетинг формата присутствия в информационном пространстве страны-импортера. ГЧП в либерализации торговли стран АТР формирует открытость стран друг другу, регионализацию цепочек добавленной стоимости. Как влияет либерализация торговли в АТР на ГЧП в формировании конечного потребления Дальнего Востока России? Либерализация торговли на рынке азиатских стран устанавливает ограничения участия для стран «вне региона» в форме барьеров высоких таможенных пошлин, многочисленных нетарифных ограничений. Формирование конечного потребления горизонтальной и вертикальной промышлен-

ной политики обосновывают «зоны развития инновационной сырьевой экономики» [36]: ТОР, Свободный порт Владивосток, государственная поддержка инвестиционных проектов, Фонд развития Дальнего Востока. Развитие инновационной ресурсной экономики обосновывает переход к ресурсоемким производствам с высокой добавленной стоимостью; сдвиг спроса на природные ресурсы с востока на запад Китая.

Таким образом, формирование конечного потребления горизонтальной и вертикальной промышленной политики обосновывает конфликт между локальным характером большинства промышленных предприятий и глобальной экономикой [37]. Цифровая экономика позволяет уменьшать «цифровую пропасть» конечного потребления (например, доступность и использование цифровой связи), которое увеличивает доступ ИКТ. Компании и потребители, находящиеся в автономном режиме, блокируют возможности быстрого расширения рынка для товаров и услуг, приобретенных или предоставленных онлайн. Отсутствие цифрового подключения усиливает экономическую изоляцию. Устранение ограничений традиционного физического подключения является необходимостью для разблокировки возможностей, созданных цифровизацией и цифровой торговлей. Традиционные физические подключения, такие как материальная инфраструктура и предоставление эффективной торговой логистики (например, воздушного, морского пути и услуг железнодорожного транспорта), по-прежнему важны. Хотя транспортные и страховые расходы, в процентах от стоимости импорта стран мира, в 1989–2016 гг. снизились с 14 до 10%, физическая связанность по-прежнему влияет на торговые издержки [38]. Однако цифровизация предоставляет возможность для снижения стоимости устранения узких мест в физической связности и расширения конечного потребления стран-импортеров. Формализуют

государственно-частное партнерство в формировании конечного потребления вертикальная промышленная политика формата усиления значения оборонно-промышленного комплекса, горизонтальная промышленная политика формата кластерного взаимодействия предприятий обрабатывающей промышленности.

Выводы

Обоснование формата государственно-частного партнерства в формировании конечного потребления Дальнего Востока России формализует формат федеральных программных документов – территории опережающего социально-экономического развития (ТОР), Свободный порт Владивосток, государственная поддержка инвестиционных проектов, Фонд развития Дальнего Востока. Теоретические и экспертно-аналитические исследования государственно-частного партнерства в формировании конечного потребления обосновывают рост роли государства; запуск рыночного механизма в экономике командного типа; замена рыночного процесса максимизации прибыли процессом максимизации общественной полезности; трансформация социально-рыночной модели общества благосостояния в общество ответственности индивидуума цифрового общества. Доминирование линейной парадигмы формирует проблему аналого-цифрового разрыва. Решение проблемы, как представлено в данной статье, обосновывает с последующими конкретными направлениями исследование теории формального программного моделирования экономической методологии системного моделирования. Формируется подход обоснования государственно-частного партнерства в формировании конечного потребления следующих основных направлений: во-первых, новая метацель – общественного развития в целом и экономического в частности (П. Минакир, 2017) единого регламента ситуационного центра стратегического планирования,

управления и реализации государственных программ и проектов, во-вторых, переход «естественного государства» (single actor approach) к государству коалиции элитных групп обосновывает социальный порядок государственно-частного партнерства (D. North, J. Wallis, B. Weingast, 2009). Теоретическое обоснование позволяет переориентировать государственно-частное партнерство в формировании конечного потребления цифровой экономики с учетом метациели общественного в целом и экономического в частности развития. Реализуется модель пространственно распределенных прорывных технологий [39] на основе и с использованием особенностей и преимуществ отдельных регионов в системном процессе междисциплинарного подхода когнитивного центра систем прогнозирования, планирования и проектирования крупных и сложных социальных объектов, регионов формата институционального взаимодействия.

Таким образом, переход к неформальной глобализации («глобализации снизу»), которая связана с активностью граждан, обосновывает ГЧП в формировании конечного

потребления. Переход к неформальной глобализации обоснованно выделяет ограничения. Формализует ограничения встраивание в процессы неформальной глобализации Дальнего Востока России обоснованного направления формирования конечного спроса горизонтальной и вертикальной промышленной политики. Формализованы направления встраивания в процессы неформальной глобализации Дальнего Востока России. Обосновывает научную новизну и практическое значение переход к неформальной глобализации формата государственно-частного сотрудничества в формировании конечного потребления, связанный с цифровой экономикой. Обоснованность теоретического и практического применения подхода формализации государственно-частного партнерства в формировании конечного потребления позволяет фиксировать основные направления встраивания в процессы неформальной глобализации Дальнего Востока России, что предполагает дальнейшее исследование государственно-частного партнерства формата неформальной глобализации цифровой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Картина экономики. Февраль 2018 года / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2018. 13 февраля. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMacro/201813024> (дата обращения 12.04.2018).
2. Аганбегян А. Доходы российских граждан – сравнение с миром / Институт экономики роста им. П.А. Столыпина. URL: <http://stolypin.institute/analytics/issledovanie-instituta-ekonomiki-rosta-dohody-rossiyskih-grazhdan-sravnenie-s-mirom/> (дата обращения 04.07.2018).
3. Хейфец Б.А. Метаморфоза экономической глобализации. М.: Институт экономики РАН, 2018. 41 с.
4. Некипелов А.Д. Глобализация и стратегия развития экономики России. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2001/fp/4/01.pdf> (дата обращения 23.08.2017).
5. Castells M. *The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development*. The Wiley-Blackwell, 1992. 416 p.
6. Кастельс М. Глобальна ли глобальная экономика? // Экономические стратегии. 2000. № 4. С. 14–24.
7. Geoffrey J. International Business and Emerging Markets: A Long-Run Perspective. *Harvard Business School Working Paper*, 2017, no. 18-020. Available at: http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/18-020_0da6ca17-091e-4491-8ec1-974156463cb7.pdf
8. Reinert S.A., Fredona R. *Merchants and the Origins of Capitalism*. Available at: http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/18-021_b3b67ba8-2fc9-4a9b-8955-670d5f491939.pdf
9. Фоули Д. Математический формализм и политэкономическое содержание // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 82–95.

10. Urry J. *Globalisation and Citizenship*. Published by the Department of Sociology, Lancaster University, Lancaster LA1 4YN, UK. Available at: <http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/Urry-Globalisation-and-Citizenship.pdf>
11. North D., Wallis J., Weingast B. *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 308 p.
12. Воейков М.И. Государство и рынок: новая политико-экономическая парадигма // Экономическое возрождение России. 2018. № 2 (56). С. 79–90.
13. Дынкин А.А. В поисках новой архитектуры миропорядка // Науч. тр. Вольного экон. общ-ва России. 2018. № 2. Т. 210. С. 233–239.
14. Кузнецов Б.В., Симачев Ю.В. Эволюция государственной промышленной политики в России // Журн. Новой экон. Ассоц. 2014. № 2 (22). С. 152–178.
15. Гудкова Е.В. Когнитивные технологии прогнозирования, планирования и проектирования центра связанности Дальнего Востока России со странами Восточной Азии // Проблемы современной экономики. 2017. № 1 (61). С. 125–130.
16. Артур У.Б. Теория сложности в экономической науке. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2015/08/30/1250962761/journal13.2-2.pdf> (дата обращения 12.12.2015).
17. Соловьев А.И. Человек в «цифровой» экономике: аналоговый или дискретный? // Науч. тр. Вольного экон. общ-ва России. 2018. № 2. Т. 210. С. 130–135.
18. Tsvetkov V.Y., Azarenkova N. The Information System Complexity. *European Journal of Technology and Design*, 2014, vol. 3, no. 1, pp. 44–48.
19. Когнитивные центры как информационные системы для стратегического прогнозирования / И.В. Десятков [и др.] // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2010. № 50. 28 с.
20. Блауг М. Несложный урок экономической методологии // Thesis. 1994. № 4. С. 53–68.
21. Минакир П.А. Стратегические развилки: есть ли выход из тупика? // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 7–18. DOI: 10.14530/se.2017.3.007-018
22. Ерзнкян Б.А. Эволюция социальных порядков и особенности поведения экономических агентов // Теория и практика институциональных преобразований в России: сб. науч. тр. / под ред. Б.А. Ерзнкяна. М.: ЦЭМИРАН, 2013. Вып. 26. С. 6–64.
23. *Accenture Technology Vision 2016*. Available at: https://www.accenture.com/t20160823T222808_w_/usen/_acnmedia/Accenture/Omobono/TechnologyVision/pdf/Platform-Economy-Technology-Vision-2016.pdf#zoom=50
24. Полтерович В.М. От социального либерализма – к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 41–65.
25. Polterovich V. Positive Collaboration: Factors and Mechanisms of Evolution. *MPRA Paper No. 73448*, posted 31 August 2016. Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/73448>
26. Заседание президиума Государственного совета, посвященное перспективам развития промышленного потенциала регионов России. 2018. 1 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56768> (дата обращения 04.05.2018).
27. Денис Мантуров: программа импортозамещения потребовала 600 млрд рублей инвестиций с 2014 года. URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!denis_manturov_programma_importozameshheniya_potrebovala_600_mlrd_rubley_investiciy_s_2014_goda (дата обращения 04.05.2018).
28. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года «Инновационная Россия – 2020». URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04 (дата обращения 14.11.2016).
29. Hyun S. Russia-Japan Economic and Trade Relations and Development of the Far East and Siberia. *11 KIEP-ERI Joint International Seminar «Changes in the Global and Domestic Economic Conditions and Future of Development of the Far East»*, 2016, June 23, pp. 219–234.
30. Гудкова Е.В. Сценарный вариант Российско-японского центра связанности крупного и сложного социального объекта Дальний Восток России // Проблемы современной экономики. 2018. № 1 (65). С. 135–141.

31. Lee J.-Y. Eurasia Initiative and Cooperation in the Far East. *11 KIEP-ERI Joint International Seminar «Changes in the Global and Domestic Economic Conditions and Future of Development of the Far East»*, 2016, June 23, pp. 53–105.
32. Минакир П.А. Новая стратегия развития Дальнего Востока России: оценка и перспективы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2014. Т. 7. № 4 (36). С. 6–14.
33. Гудкова Е.В. Формирование ареала когнитивного центра прогнозирования, планирования и проектирования крупного и сложного социального объекта: Дальний Восток России // *Проблемы современной экономики*. 2017. № 3 (63). С. 131–137.
34. Радыгин А.Д., Энтов Р.М. «Провалы государства»: теория и политика // *Вопросы экономики*. 2012. № 12. С. 4–30.
35. Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока / Государственный совет Российской Федерации. 2017. 6 сентября. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razviti-dalnego-vostoka.pdf> (дата обращения 23.04.2018).
36. К великому океану – 5: от поворота на восток к Большой Евразии: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2017, сентябрь. URL: www.valdaiclub.com (дата обращения 18.01.2018).
37. Княгинин В.Н., Щедровицкий П.Г. Промышленная политика России – кто оплатит издержки глобализации: мат-л раб. группы Президиума Государственного Совета Российской Федерации по вопросам промышленной политики // *Современная национальная политика России*. М.: ИКЦ «Академкнига», 2004. С. 77–157.
38. *OECD/WTO. Aid for Trade at a Glance 2017: Promoting Trade, Inclusiveness and Connectivity for Sustainable Development*. Paris: World Trade Organization, Geneva/OECD, 2017. Available at: https://doi.org/10.1787/aid_glance-2017-en
39. Минакир П.А. Некоторые замечания об организации науки как факторе пространственной оптимизации // *Уч. зап. Теоретические и прикладные аспекты исследований региональной экономики: сб. ст. / под ред. О.М. Прокапало; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований*. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. Вып. 10. С. 128–132.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гудкова Евгения Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Россия, 690000, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153. E-mail: gudkova@ecrin.ru. Тел.: +7(4212) 22-59-16.

Gudkova E.V.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN SHAPING FINAL CONSUMPTION OF THE RUSSIAN FAR EAST

The development of final consumption in the country largely determines the capabilities of Russian industry. According to the Ministry of economic development of the Russian Federation, the source of economic recovery in 2017 was the final consumption of households and gross capital formation. Numerous theoretical and expert-analytical studies of public-private partnership justify the transition to informal globalization (“globalization from below”), which is associated with the activity of citizens. Hypothesis: the transition to informal globalization justifies the importance of public-private partnership in the formation of final consumption. The purpose of the article is to determine whether the target parameters of the vertical industrial policy, horizontal industrial policy justify the importance of public – private partnership in the formation of the final consumption of the Russian Far East. The article shows that the transition to informal globalization justifiably highlights the limitations: first, the analog-digital divide of

the digital economy (analog and discrete), and second, the complexity of the description of the analog type system in order to overcome the digital divide of economic cooperation of informal globalization. Asymmetric competition-replacing the competitive strategy with the cooperation strategy-forms a public-private partnership in the creation of a single regulation of the situation center for strategic planning, management and implementation of state programs and projects with a new meta – goal-social development in General and economic in particular. Limitations are determined by the discreteness in solving the problems of transformation of analog processes into digital. The solution of the problem, as presented in the article, justifies with the subsequent specific directions the study of the theory of formal software modeling, economic methodology of system modeling. The directions of public-private partnership in the conditions of informal globalization of industrial policy of the final consumption format of the Russian Far East are substantiated in the methodology of system formal modeling, which provides scientific novelty and practical value of the article. The result formalizes further research in the methodology of system formal modeling “man in the digital economy” in accordance with the meta-goal of social and economic development. The article is addressed to researchers, postgraduates, students, specialists in the field of public-private format of regional socio-economic policy.

Public-private partnership, digital economy, final consumption, state industrial policy, regional socio-economic policy, Russian Far East.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gudkova Evgeniya Vasil'evna – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 690000, Russian Federation. E-mail: gudkova@ecrin.ru. Phone: +7(4212) 22-59-16.